

Достояние Республики

Дорогие друзья, вот и наступил двадцать шестой год нового тысячелетия. Иногда кажется, что рубежи времени стираются, и далекий двухтысячный уже почти неразличим, словно старая выцветшая фотография. А иногда – напротив, путь, пройденный человеком, ощущается особенно ясно, как череда шагов. Я в «Просторе» уже третий год. Оглядываясь назад, понимаю: главное, что мне удалось за это время, – создать команду. Сильную, думающую, профессиональную. С каждым номером журнал становится всё лучше и лучше – и в этом заслуга всего коллектива. Всегда прислушиваюсь к мнению коллег, потому что именно в диалоге рождаются гениальные идеи. Так, однажды мой заместитель, народный писатель Казахстана Любовь Шашкова предложила открыть библиотеку «Простора» – начать издавать наших авторов. Идея показалась мне своевременной и нужной. Коллектив поддержал начинание, и уже к концу 2025 года увидели свет два тома. Позже заведующий отделом поэзии, почетный писатель Казахстана Сагин-Гирей Байменов, обеспокоенный тем, что молодое поколение почти не знает классиков поэзии, предложил рубрику «Имена». На первых страницах журнала мы знакомили читателей с мировыми и казахстанскими поэтами – возвращая музыку их слов и смыслы.

Я же давно вынашивал мысль – создать раздел «Достояние Республики», посвященный нашей Родине, и в новом году мы запускаем проект, в котором будем рассказывать о сакральных, исторически значимых, уникальных природных местах Казахстана. Я уверен: даже те, кто немало путешествовал по стране, откроют для себя много нового, потому что Родина – это не просто география, это – память, мифы и духовные ценности.

В январском номере мы публикуем обзорную статью Нургали Ораза «Край оживших легенд». Это меткое определение. Казахстан – удивительная страна. Его природа известна далеко за пределами наших границ, и почти каждая гора и озеро имеют свою историю. К примеру, легенда о Бурабае рассказывает, как Бог, создавая землю, раздал народам природные богатства, а казахам досталась лишь степь. Услышав молитвы людей, он собрал всё, что осталось в коржуне, и бросил в одном месте. Так посреди степи возник красивейший уголок, где встречаются горы, леса и озера. Подобные предания повествуют и о других достопримечательностях.

Особое место в нашем проекте займет Туркестан – древний духовный центр, который называют второй Меккой для казахов и всего тюркского мира. Здесь находится мавзолей великого суфия Ходжи Ахмеда Ясави. По народному поверью, паломничество сюда приравнивается к малому хаджу. Туркестан – бывшая столица Казахского ханства, священный город для мусульман Центральной Азии и официально признанная духовная столица тюркского мира. Именно с него мы и начнем февральский номер журнала.

Новый год – это всегда ожидание... Новых смыслов, новых дорог, новых открытий. Надеюсь, они ждут и вас на страницах журнала «Простор».

Главный редактор Фархат ТАМЕНДАРОВ

Касымхан БЕГМАНОВ

Дай мне сил, Туркестан

Дай мне сил, Туркестан, и терпенье продли!
Не к тебе ль племена за удачей текли?
Был тяжёл, приводя в мир печальных могил
Путь из жёлтых степей, пламеневших вдали.

О, курганы уже отдалённых времён,
Сказ о тех, кто из жизни вчера унесён!
Я – как будто владелец того чапана,
Что похищен, в чужом сундуке заключён.

Как холмы изнуряют печалью своей!
Хоть молись, хоть ушедшим построй мавзолеей...
Не пристало мужчинам до слёз горевать,
Но слезу в этом горьком безлюдье пролей!

Мавзолеи воздвигни, молитвы тверди,
Разрыдайся хоть раз, уходить погоди!
Эта круча склонилась, как нежная мать,
Чьи-то смутные души укрыв на груди.

Дай мне силу, Отчизна, терпенье продли!
Необъятные степи мерцают вдали.
Едут люди оттуда за счастьем сюда,
А седые курганы на сердце легли.

Перевод Михаила Синельникова

Фархат ТАМЕНДАРОВ

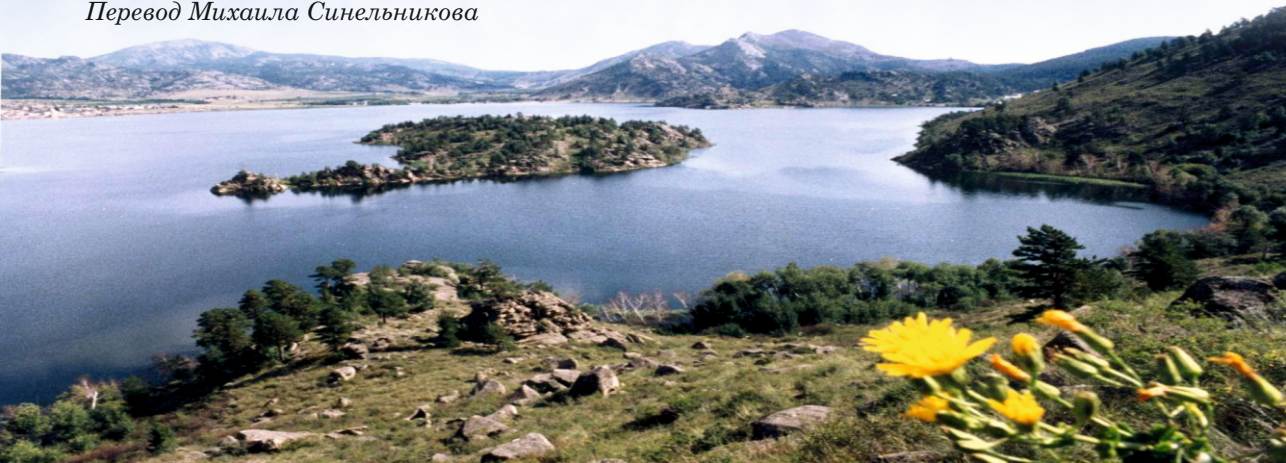
У озера Жасыбай

Старые горы, как старые крепости.
Серые камни вразброс и внахлест,
И корабельными соснами скреплены.
Этот пейзаж гениален и прост.

В центре красивой, каменной пади
Озеро ланью тревожной не спит.
Волны бегут по лазуревой глади.
Черный утёс их побег сторожит.

Ветер вдувается в трубы прилива,
Влажной губою сжимая сосок.
Облако с неба, совсем шаловливо,
Тень свою бросит на древний песок.

Тихо вдруг станет в душе и степенно.
В доме земном я любимый жилец.
В жизни, как в сказке, нужны непременно
Сложный сюжет и счастливый конец.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

На озёрах Кургальджино...

На озёрах Кургальджино
августовская кутерьма –
солнце Африки зажжено
тайным образом
в птичьих умах.

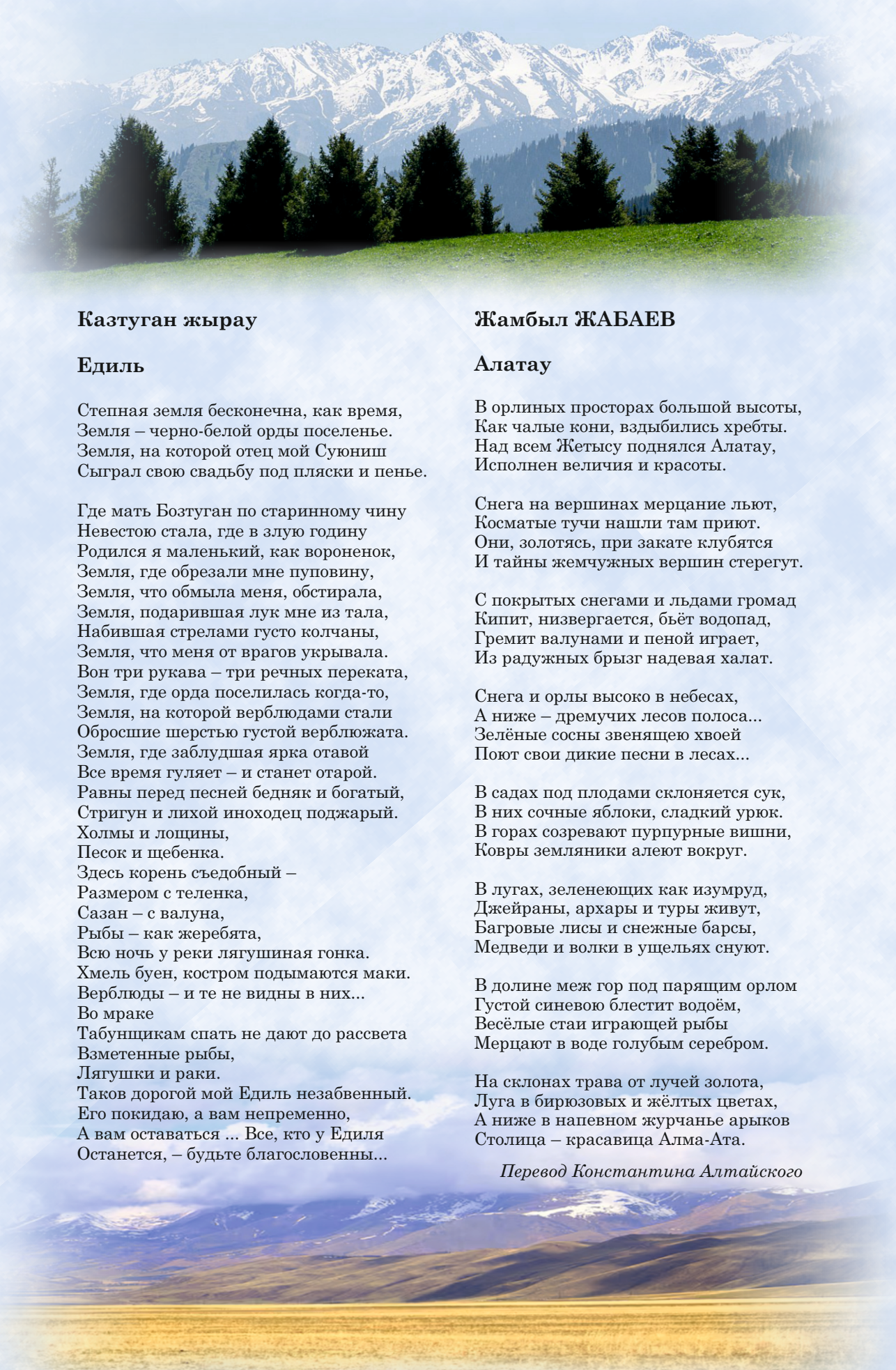
Улетят, не удержит
ничто;
дав круги над родным гнездом,
откочуют в далёкий край
вереницы гусиных стай.

Гуси белые,
бедные гуси,
не отпустим вас,
не отпустят
дорогие поля и кущи
паутинные петли грусти.

Не отпустит, задержит
родина,
возвратит на озёра
дробью.
Осень
ветви ломает в саду.
Гусь расстрелянный бьётся
в пруду.

Не ударили в телеграммы,
ведь потеря невелика –
не фламинго, не пеликан,
просто гусь
на три килограмма,
«Ну, убили, и что такого?
Ну, протянешь в стихах,
и что?
Ведь единственного –
не сто,
и стихи ведь не протоколы.
Опиши добрым словом
“родинки” –
его раны –
следы дробин.
Это озеро – его родину».
К чёрту вотчину,
где убит!
Осень.
Снег опускается первый –
его белые страшные перья.
Он весну приносил,
упросим!
«Улетай».
Не отпустит осень.

Казтуган жырау

Едиль

Степная земля бесконечна, как время,
Земля – черно-белой орды поселенье.
Земля, на которой отец мой Суюниш
Сыграл свою свадьбу под пляски и пенье.

Где мать Бозтуган по старинному чину
Невестою стала, где в злую годину
Родился я маленький, как вороненок,
Земля, где обрезали мне пуповину,
Земля, что обмыла меня, обстирала,
Земля, подарившая лук мне из тала,
Набившая стрелами густо колчаны,
Земля, что меня от врагов укрывала.
Вон три рукава – три речных переката,
Земля, где орда поселилась когда-то,
Земля, на которой верблюдами стали
Обросшие шерстью густой верблюжата.
Земля, где заблудшая ярка отавой
Все время гуляет – и станет отарой.
Равны перед песней бедняк и богатый,
Стригун и лихой иноходец поджарый.
Холмы и лощины,
Песок и щебенка.
Здесь корень съедобный –
Размером с теленка,
Сазан – с валуна,
Рыбы – как жеребята,
Всю ночь у реки лягушиная гонка.
Хмель буен, костром поднимаются маки.
Верблюды – и те не видны в них...
Во мраке
Табунщикам спать не дают до рассвета
Взметенные рыбы,
Лягушки и раки.
Таков дорогой мой Едиль незабвенный.
Его покидаю, а вам непременно,
А вам оставаться ... Все, кто у Едиля
Останется, – будьте благословенны...

Жамбыл ЖАБАЕВ

Алатау

В орлиных просторах большой высоты,
Как чалые кони, вздыбились хребты.
Над всем Жетысу поднялся Алатау,
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют,
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь, при закате клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, низвергается, бьёт водопад,
Гремит валунами и пеной играет,
Из радужных брызг надевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах,
А ниже – дремучих лесов полоса...
Зелёные сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами склоняется сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк.
В горах созревают пурпурные вишни,
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих как изумруд,
Джейраны, архары и туры живут,
Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях снуют.

В долине меж гор под парящим орлом
Густой синевой блестит водоём,
Весёлые стаи играющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золота,
Луга в бирюзовых и жёлтых цветах,
А ниже в напевном журчанье арыков
Столица – красавица Алма-Ата.

Перевод Константина Алтайского

Ермек УТЕТЛЕУОВ

Дедушка Алатау

Среди гор,
что в моём краю,
Алатау древнее всех.
Даже издали узнаю:
На вершине белеет снег.
Здравствуй, дедушка Алатау!
Величава,
седа гора,
В шапке пышной из облаков...
И мудра гора,
и добра,
У подножья – море цветов.
А в садах здесь на сто ладов
Птицы песни поют с утра.
Звоном солнечных родников
Приглашает в гости гора.
Зреют яблоки на ветвях –
Краснобокий, сочный апорт...
Лёд Медео. Каток в горах.
Не один здесь побит рекорд!
Поднимусь и увижу с гор
Ширь степей, свет дальних огней.
Казахстана родного простор
Мне с вершины этой видней.
Здравствуй, дедушка Алатау!

Перевод Раима Фархади

Валерий МИХАЙЛОВ

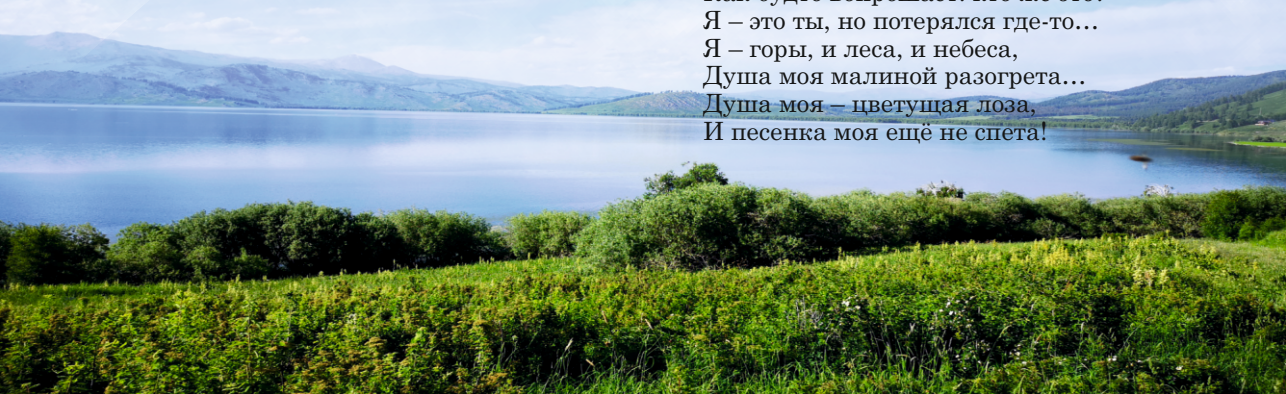
Маркаколь

Валёжины и заросли кипрея...
Бредёшь, ныряя в зелень с головой,
Медведем понатоптанной тропой,
Не думая, не мучась, не жалея... –
И хорошо, что больше сам не свой,
А никакой, а попросту – живой!
(Хотя тропа медвежья – не аллея,
И трудно пробираться той тропой.)

Здесь травы и деревья – исполины,
Здесь буйно всё, и грузно, и свежо
(Уже тут сразу б выросло в ужо),
И первобытны горы и долины,
Где в жар бросает ясный дух малины,
Парящий в воздухе – хоть режь ножом...
А понизу смородина дурманит
И ягодой, и заварным листом,
И древним запахом грибы шаманят
Исподтишка, украдкой и тайком.

Таёжный дух в горах – всего могучей,
Он, как медведь, хозяйничает тут.
И облака громадами растут
В высоком небе, чистом и певучем,
И светят свежей синью небеса...
И всё одно – и скалы, и леса,
И озеро, и зной, и ты, и лето...

Вон бурундук (отнюдь не егоза)
С пенька таращит на меня глаза,
Как будто вопрошает: кто же это?
Я – это ты, но потерялся где-то...
Я – горы, и леса, и небеса,
Душа моя малиной разогрета...
Душа моя – цветущая лоза,
И песенка моя ещё не спета!

Любовь ШАШКОВА

Песня

*Появись перед
моим взором, Ерейментау.
Иманжусуп*

Велика эта степь,
Тает в дымке – Ерейментау.
Пулей пущенный в степь,
Возвращается беркут усталый.

Улетевший стрелой,
Возвращается конь запалённый.
Утомлённое солнце
Садится за дальние склоны.

Халижан БЕКХОЖИН

Простор волновой...

Луч солнца, красками играя,
Позолотил лик Бурабая.
Подобно мрачному буре
Я возлегаю на горе.
Красой Кокше врачую душу.
А с берега ласкает уши
Джигитов смех и юных дев.
Таков уж старости удел:
Со стороны глядеть на юных.
Но сердца трепетные струны
Воспоминаний вихрь задел.

О юность дерзкая! Давно ли
Я так же был беспечно волен,
И так же безрассудно смел.
Любил ловить средь брызг и струй
Любви заветный поцелуй.
Чем не улов – в волне иртышской
Смуглянки тонкая лодыжка!
Не то теперь. Но красотой
Душа, как прежде, смущена.
Я вижу: тропкою крутою
Идёт из озера – Она,
И важно капли отряхает,
И радугой они сверкают,
И все сравнения стары!

Велика эта степь
Края отчего – Ерейментау!
Велика эта степь
Для погони, для битвы, для славы.

Только песня её
Облетает в мгновение ока.
И парит над землёй,
И возносится в небо высоко.

Только песня одна
Обнимает все стороны света,
Всю Великую степь,
Что вмещается в сердце поэта.

Эй, Назарбек! Давай на сушу!
Я занемог. Я жажду слушать
Нежнейший голос Гульсары.
Лишь ей душа моя открыта.
Шумят весёлые джигиты: «Спой!»,
И отъявленный шалун
Её сажает на валун,
Как бы на трон исповедальный.
И смолкло всё. И далью дальней
Нас окликает «Сырымбет»,
И лица озаряет свет.

Душа к чужой душе качнулась.
Как много говорит сейчас
Улыбка, выражение глаз...
О край мой песенный! О юность!
Ты возрождаешь вновь меня.
Средь этих песен благодатных,
Средь юных дев, джигитов статных
Я полон жизни и огня.
И снова я родному краю,
Горам Кокше и Бурабаю,
И юным землякам своим
Дастаны с нежностью читаю.

Перевод Любови Шашковой

Сакен СЕЙФУЛЛИН

В степи

В стороне степной, с рождения мне родной,
Ожидал я ветра раннею весной,
И поднялся тёплый ветер-непоседа,
И оделась мигом степь в наряд цветной.

Плыли ветры из-за гор в сиянье дня,
Над ковыльными просторами звеня,
И дарили мне неслыханные вести,
Обнимая с братской радостью меня.

И от счастья грудь расширилась моя,
Встрепенулся, словно смелый сокол, я.
Звонким криком ширь степную оглашая,
Я приветствовал родимые края. (...)

Мне в ответ склонились чашечки цветов,
И свершеньем самых лучших в мире снов,
Бурной радостью мне сердце охватило
Дуновение стремительных ветров!

*Перевод Сергея Наровчатова –
Константина Алтайского*

Есенгали РАУШАНОВ

На космодроме «Байконур»

«Ангелы в небе летают», –
так старики говорили.
Правда ли это, неправда?
Теперь неизвестно нам.
Мёртвые исполины
степь крутолобо покрыли.
Стою у камней умерших.
Читаю суры камням.

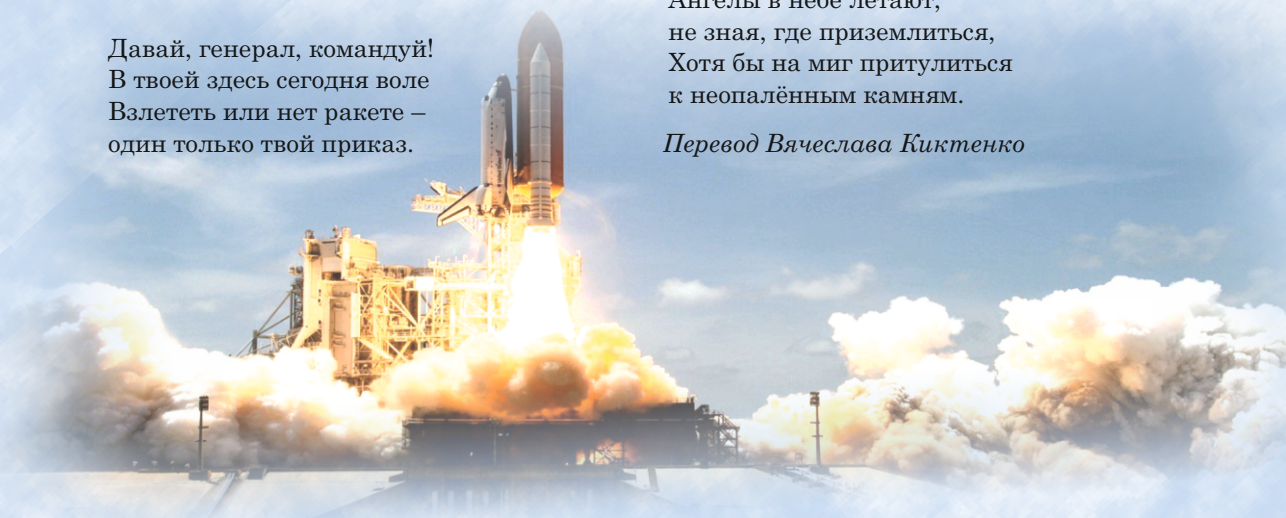
Давай, генерал, командуй!
В твоей здесь сегодня воле
Взлететь или нет ракете –
один только твой приказ.

Ангелы ведь незримы
в синем небесном поле,
А если и впрямь летают,
сверху рассудят нас.

Смотрю я на древние камни,
на эти немые лица,
И думаю – степь богата,
не сжечь её страшным огням.

Ангелы в небе летают,
не зная, где приземлиться,
Хотя бы на миг притулиться
к неопалённым камням.

Перевод Вячеслава Киктенко

Есенгали РАУШАНОВ

Камни Мангистау

*Есть вершина в дали голубой,
Путь далёк к ней и труден земной –
Лишь поэту ночью порой
Часто грезилась в дымке она...*

Это город степных мастеров –
Жёлтых глыб, голубых куполов,
Здесь кладбище порушенных стел,
Хаотичных беитов* квартал,
Ветер времени здесь пролетел
И страницы эпох пролистал.
Это – книга земли Мангистау.

Летописец её, видно, многое знал,
Что рассказом решил поделиться,
Он великую книгу степи здесь зачал:
Вдохновленный гордыней обветренных скал,
Он дерзал, он искал – золотые страницы
Из песчаных пород, как ножом, вырезал.

И подручные Мастера – прадеды наши,
Поплевав на нечистую, взялись помочь
И, слова заговорные – всё-таки страшно! –
Бормоча, коротали короткую ночь.

«Где низ – там верх, где верх – там низ...
Дитя оставит свой каприз и озорство забудет –
Джигитом будет!
Не бойся трудностей – трудись,
Смотри, назад не оглянись!
И всё тебе пребудет!»

Премудрость эту бормоча,
Врубаясь в глину скал,
Прикинув трижды, вырезал...
Так прадед, верно, формовал
Подобье кирпича.

Примерит взглядом – так и сяк –
И вновь шлифует известняк,
Но архитектор смел –
Кладёт цепочкою и в ряд,
Чтоб камень радовал наш взгляд, –
Он гравировал мел.

Где юрты редкие ютились,
Вдруг стены града появились...
Так, непокорные пустыне,
Они стоят незыблемо поныне.

Как вековой укор – урок ваш терпеливый,
О, прадеды мои, гляжу на Мангистау!..
Откуда и куда, как реки, протекли вы,
Оставив этот город среди скал?

Слепая простота!
Как просто мы судили,
Как просто вас рядили
В средневековый хлам.
Мы золото в песке не различили,
Мы серебро чужое золотили,
Чужим доверяя письмам!

По-прежнему среди песчаных скал
Желтеют камни. Камни Мангистау.
Кто книгу эту прочитал?
Воспеты кем
Кумбезов* синих красота
И крепость древних стен?..

Перевод Бахыта Каирбекова

* Беит – некрополь.

* Кумбез – могильник с куполом.

